

"ЗАГАДКА ДАРА" М. ГОДЕЛЬЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ*

Публикация на русском языке книги Мориса Годелье "Загадка дара" (М.: Восточная литература, 2007) весьма своевременна и полезна для российских исследователей. Она представляет собой пример классического социально-антропологического анализа проблем традиционного общества в сравнении с обществом индустриальным. В ней органично соединены рассмотрение разнообразного эмпирического материала, в том числе собранного самим автором (племя баруйя, Папуа–Новая Гвинея) с теоретическими проблемами социальной антропологии. В центре повествования Годелье "загадка дара", которую стремились разгадать многие его предшественники (Б. Малиновский, М. Мосс, Р. Ферс, К. Леви-Строс). Годелье детально сравнивает фактический материал, касающийся форм дара и обмена в традиционном обществе, на котором основывались другие исследователи, с более поздними данными, а также с результатами своих полевых исследований. В то же время он подвергает жесткой, но корректной критике их теоретико-методологические концепции обмена в обществе, в том числе и в традиционном, и интерпретации как конкретных форм дарообмена (кула, потлач), так и их значения в функционировании культур, в структуре общества в целом. В соответствии с таким подходом Годелье подвергает критике воззрения Мосса и Леви-Строса на сущность и место дара и обмена в обществе и предлагает свое видение этих проблем и соответственно решение загадки дара. При этом он обосновывает необходимость при анализе процессов обмена в современном и традиционном обществе решения вопроса о сути социальной организации и роли мышления. Интегрирующая идея книги – сравнение особенностей обмена в контексте современного и традиционного общества, сравнение обществ с моралью "дара" и моралью "выгоды". Хотя очевидно, что он занимает определенную позицию в длительной дискуссии, идущей в рамках экономической антропологии (спор между маргиналистами, формалистами и субстантивистами), однако сам Годелье намеренно дистанцируется от этой области исследований и стремится не использовать экономическую терминологию. Тем самым он подчеркивает фундаментальность своей работы и ее общетеоретическое (философское) значение. Все свое внимание он обращает на решение конкретной "загадки дара", предлагая в результате анализа конкретных форм встречных даров общий принцип решения вопросов, связанных с процессами обмена в обществе.

"Тени" великого труда Мосса. Исходным для Годелье положением является то, что священные объекты нельзя было ни продать, ни подарить. Их следовало хранить. Осмыслив это обстоятельство, которое также получило подтверждение в последних работах антропологов, в том числе в исследованиях А. Уайнер (в книге – А. Вайнер), Годелье по-иному, нежели Мосс и Леви-Строс, подошел к загадке дара, сместив акцент на вещи, которые хранят. В соответствии с такой постановкой вопроса он выдвигает гипотезу, которая оказалась ему очевидной:

"Общество, идентичность не могут... служить фундаментом как индивидам, так и группам, которые составляют общество, если не существует фиксированных точек, реальностей, изъятых (временно, но жестко) из обменов дарами или из товарных обменов. Каким бы это реальностям? Идет ли речь только о священных объектах, существующих во всех религиях? Нет ли общей связи между политической властью и чем-то, что называется священным, и нет ли этой связи даже в секуляризованных обществах, где власть идет не от богов, а от людей, которые обосновали ее, даровав себе конституцию?" (Годелье 2007: 9).

Именно исходя из такой постановки проблемы, Годелье стремится дополнить и продолжить исследование Мосса и осуществить критический анализ теории обмена Леви-Строса. Он делает

Андрей Александрович Белик – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

*Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-2275.

это как на основе иного взгляда на общество в целом, так и посредством привлечения новых этнографических данных о процессах дарения в традиционных культурах.

Что же прежде всего не устраивает Годелье в концепции дара, предложенной Моссом? Это объяснение обязанности дарить, принимать дар и возвращать его некой силой, например, "хау", или наличием души в вещах, которая стремится вернуться к тому, кто первоначально подарил. По мнению Годелье, у Мосса "хау", или душа вещи, и есть та сила, которая заставляет вещи циркулировать и возвращаться к своему владельцу. Таким образом, Мосс видит источник обмена в "духовных механизмах", приписывающих вещам душу или дух. Годелье тщательным образом разбирает новый перевод текста речи мудреца маори Тамати Ранайпири и показывает ошибочность интерпретации понятия "хау" Моссом (Там же: 64–71).

Дискутируя с Моссом и Леви-Стросом, Годелье неоднократно возвращается к своему основному тезису: процессы обмена не исчерпывают всей полноты общественной жизни, так как существует много того, что "не дарят и не продают и что тоже составляет объект институтов и особых практик, являющихся неустранимой составляющей общества как целостности..." (Там же: 87). В свете такой постановки вопроса одним из просчетов Мосса было то, что он оставил вне поля своего анализа священные объекты, или "четвертую обязанность" – дарить сверхъестественным существам. Мосс лишь однажды упоминает об этом четвертом измерении дара, но не развивает этот аспект в своем "Очерке о даре", хотя этой темы он вместе с Юбером касался в работе "Очерк о природе и функции жертвоприношения" (1899). Правда, Мосс учитывает практику жертвоприношений богам при анализе потлача, а также дары духам мертвых, но все же это взаимодействие так и не было рассмотрено им в более широком культурном и социологическом контексте.

Критика структурализма Леви-Строса. В чем же суть кардинального расхождения Годелье с Леви-Стросом в вопросе о даре? Прежде всего, он не согласен "с расширением некоторых высказываний Мосса об обмене" и "предпочтением символического и заменой им воображаемого в объяснении социальных фактов". "Это имеет своим следствием, – отмечает Годелье, – практически полное удаление теории священного, развитой Дюркгеймом и Моссом на рубеже XX века" (Там же: 28).

Леви-Строс не обращает внимания на "ясно проведенное Моссом различие между двумя сферами, которые делят между собой социальное: сферой обмениваемых, отчуждаемых вещей и сферой вещей, исключенных из обмена, неотчуждаемых", принадлежащих различным типам социальных отношений и "различным моментам создания – воспроизводства общества" (Там же: 27). Для Леви-Строса понятия типа "хау" или "мана" – это функция "определенного положения духа", результат деятельности бессознательных структур. Каждый раз, находясь перед неизвестными вещами, дух начинает создавать означающее, которое не соответствует никакому означаемому и остается лишенным смысла. Поэтому понятие "мана" – это "символ в чистом состоянии, способный, следовательно, наполниться любым символическим содержанием... просто нулевое символическое значение" (Цит. по: *Годелье* 2007: 31).

При этом следует иметь в виду, что, согласно Леви-Стросу, человек "с самого начала располагает всей полнотой означающего, которой он чрезмерно переполнен... Следовательно, в своем усилии по пониманию мира человек всегда располагает избытком значений, которые он распределяет между вещами согласно законам символического мышления, изучать которые надлежит этнологам и лингвистам" (Цит. по: *Годелье* 2007: 32). Само происхождение человека, переход его к стадии овладения языком – все это случилось внезапно, "совершился переход от стадии, где ничто не имеет смысла, к стадии, где все им обладает". Далее Леви-Строс, отмечая автономность языка, утверждает, что "символы являются более реальными, чем то, что они символизируют, означающее предшествует означаемому и определяет его" (Цит. по: *Годелье* 2007: 33).

Годелье критически относится к "символическому" происхождению общества путем большого взрыва и наглядно показывает противоречивость позиции великого структуралиста. Прежде всего он демонстрирует невозможность вывести из бессознательных структур духа трансформации, происходившие с обществом (например, в осевое время – время появления ос-

новых религий и философских систем – VI–V вв. до н.э.). Кроме того, антрополог доказывает нереальность внезапного появления членораздельной речи (типа большого взрыва или творения из ничего) и невозможность обладать всей полнотой означающего (словари всех языков вместе?!). Резко критически Гodelь относится и к доминированию символического над воображаемым, и к положению о том, что "символы более реальны, чем то, что они символизируют". Довольно эмоционально он оценивает перечисленные выше положения вместе с парадоксальной идеей о том, что "мифы придумывают себя сами": "Из таких формул создаются настоящие теоретические акты насилия, которые низвергают мышление в тупик..." (Там же: 37).

Гodelь отмечает, что в основе его разногласий с Леви-Стросом лежит фундаментальная проблема сущности мышления и его особенностей в различных культурах. Согласно Леви-Стросу, "мана" и другие аналогичные ("туземные") понятия являются "бременем для любой законченной мысли", они ничего не говорят о мире, их можно даже передать французским словом *machin* ("этот как его"). По мнению же Гodelь, представления, аналогичные "хау", "мана", "оренда" и др., "которые не говорят ничего, ни истинного, ни ложного о мире, многое говорят о людях, которые ими мыслят" (Там же: 31). Вообще Леви-Строс придерживался весьма парадоксального взгляда на мифологическое мышление. Он вообще отказывает человеку в праве быть активным и сознательным (осознающим) субъектом. Его доминанта – символическое, опирающееся на бессознательные структуры. "Мы претендуем, – пишет Леви-Строс, – не на то, чтобы показать, каким образом люди думают в мифах, а на то, каким образом мифы придумываются в людях без их ведома. И возможно... следует пойти дальше, абстрагируясь от всякого субъекта, чтобы считать, что определенным образом мифы придумывают друг друга" (Цит. по: *Гodelь* 2007: 37, примеч.)

Гodelь настаивает на том, что мышление играет более активную роль и "создает социальное реальное, комбинируя две части самого себя, две разные способности, которые дополняют друг друга, но не совпадают друг с другом: способность представлять, воображать и способность символизировать, общаться с реальными и воображаемыми вещами" (Там же: 35). Таким образом, предметом дискуссии оказываются не только особенности дарения в традиционном обществе и его интерпретация, но и проблема коммуникации в целом, вопрос происхождения языка, роль мышления в обществе, а также сущность социального функционирования и активная роль человека в нем. Последний аспект получил выражение у Гodelь в виде тезиса о доминировании воображаемого (подчеркивание его конструктивной роли и значения в создании и воспроизводстве социальной целостности). Леви-Строс же отдает приоритет символическому (языку), понимаемому как порождение бессознательных структур.

Новые пути изучения "дара", предложенные Гodelь (священные объекты и мифология обмена с божествами). Выделение Моссом значения священных объектов вне сравнительного анализа создало основу для иллюзии, что обмен составляет всю социальную жизнь. В определенном смысле Мосс создал предпосылки для формулы Леви-Строса (общество – это тройственный обмен людьми, имуществом и словами), в которой упомянутая иллюзия носит тотальный характер. Гodelь, опираясь на труд Мосса, стремится открыть новые пути изучения дара и продолжить движение вперед в исследовании этой проблемы.

Перемещая вопрос в иную плоскость, Гodelь резюмирует при этом основные затруднения Мосса: "Мы считаем, что все вращается вокруг интерпретации природы ценных объектов, которые циркулируют в даре, и препятствие, возникшее перед Моссом, вызвано тем, что он не пытался сопоставить и осмыслить в одних теоретических рамках не циркулирующие священные объекты и циркулирующие ценные объекты" (Там же: 93). Именно это взаимодействие двух типов объектов, а также природу и происхождение священных объектов Гodelь ставит в центр своего рассмотрения и делает главным предметом анализа, основываясь на собственных полевых исследованиях новогвинейского племени баруйя, а также на работах других антропологов.

В то же время он существенно раздвигает рамки исследования "дара", широко используя для этого мифологию (Мосс ее не использовал). Во второй части своего труда Гodelь предпринял увлекательный анализ мифологии священных объектов и проблемы дарообмена между людей-

ми и богами, так как "в мифах подтверждаются преемственность и идентичность... духовной сущности между богами или духами, бывшими первоначальными дарителями этого священного имущества, самим этим священным имуществом и людьми, которые владеют им сегодня..." (Там же: 77). Здесь и история происхождения священных объектов племени баруя (дар Солнца, Луны и духов), и интереснейший меланезийский миф об Афек, или "Старухе", а также специфический ритуал сжигания денег ("адских" и "божественных") в Китае. Выясняя природу священного на конкретном этнографическом материале, Годелье предлагает разнообразные исторические версии взаимодействия людей и богов и варианты персонификации священного. Он выстраивает цепочку сравнений от меланезийской "старухи Афек" и тиморской молитвы до древнеегипетской мифологии, фараона как воплощения священного и христианства. Череду сравнений автор завершает размышлением о роли императора в японской культуре.

Еще один аспект изучения дара в книге Годелье – использование результатов новых исследований роли процессов обмена на островах Тихого океана, где распространена "кула", явление, которое описал еще Малиновский. Имеются в виду прежде всего работы Аннет Уайнер, которая весьма детально и в течение длительного времени изучала различные формы дара на Тробрианских о-вах, в первую очередь на о-ве Киригина. Особую роль здесь играет труд Уайнер "Неотчуждаемое владение: парадокс одновременного хранения и отдавания" (1992), поскольку он послужил одним из источников для формулировки тезиса Годелье о взаимоотношении священных и ценных объектов. Собственно идея Уайнер "хранить, отдавая дар" очень близка к основному положению Годелье о значении неотчуждаемых священных объектов. Исследования Уайнер пополнили анализ кулы новыми понятиями. *Китум* – вещь, изготовленная для кулы, которая может быть предметом обмена (за пять китумов можно получить каноэ с балансиром, за один – несколько свиней), *кеда* – дорога (маршрут) кулы.

Годелье еще при критическом разборе позиции Леви-Строса убедительно показывает, что изучение "загадки дара" невозможно без уяснения того, что есть мышление и в чем состоит суть социальных механизмов, обеспечивающих функционирование общества. На протяжении всей книги антрополог подчеркивает значимость исходной философской позиции, необходимость определенной социофилософской модели общества для успешного анализа процессов обмена в современном и традиционном обществах. В силу этого философский анализ социального есть неотъемлемая часть рассмотрения "загадки" у Годелье.

Философская реконструкция социального как важнейшая задача исследования Годелье. В результате обобщения новых материалов (1970–1980-х годов) Годелье подводит итог рассмотрению внутренних механизмов, приводящих в движение процессы обмена. Он показывает фундаментальную роль безличных, не зависящих от воли людей потребностей в процессах бесконечного воспроизводства социального, "которые воздействуют на индивидов, как на тех, кто принимает решения, так и на тех, кто подчиняется им ... и это происходит вне зависимости от формы и степени индивидуального и/или коллективного осознания действующими лицами этих потребностей" (Там же: 128–129). Данную формулировку (в различных вариациях) Годелье использует неоднократно. Она призвана подчеркнуть специфичность его позиции в понимании процессов дарения (в отличие от врожденных структур бессознательного у Леви-Строса и "туземной" теории Мосса). Годелье вообще уделяет особое внимание общеполитическому аспекту понимания функционирования общества, взаимоотношениям индивидов с материальными объектами и идеальной частью социальных отношений, состоящей из осознанных принципов функционирования социума, правил, которых следует придерживаться, стереотипов поведения и т.д. В контексте анализа дара Годелье дает оригинальное определение мышления как процесса, в котором "необходимо свести друг с другом различные аспекты реального, установить между ними отношения и обнаружить, избрести, вообразить отношения между этими отношениями" (Там же: 130).

В то же время Годелье подчеркивает, что идеальное как продукт мышления существует и за его пределами: "Оно активно присутствует во всех социальных явлениях, которые оно породило и которые его воплощают, т.е. материализуют и символизируют одновременно" (Там же: 129). В этом плане особенно важна роль "священных объектов", которые "реализуют синтез

реального и воображаемого, составляя социальное бытие, и вследствие этого обременены наиболее символической ценностью для членов общества, создавших их код, никогда не сводимый к чистым символам..." (Там же: 168). Безусловно, значительную роль в закреплении символических ценностей играют религиозные верования. В то же время, по мнению Гodelье, религия не дает особый статус вещи (например, неотчуждаемость), "но придает священный характер запрету на отчуждение" (Там же: 59). Гodelье отмечает, что "религиозные верования не только составляют часть мира, но и частично создают этот мир..., заменяя реальных людей их воображаемыми двойниками, которые занимают их место и действуют вместо них" (Там же: 78).

Подводя итог своих теоретических построений, Гodelье по-иному, нежели Леви-Строс и Мосс, отвечает на вопрос об устройстве общества в целом и о функционировании процессов обмена в частности. Если первый упразднил "священное", то второй лишь выделил способ осмысления необходимости (обязанности) ответного дара в традиционном обществе в виде магической силы. Гodelье создал многомерную картину процессов дарения, в которой органично сочетаются конкретные этнографические данные, мифология и объяснительная конструкция. В последней он объединил особенности персонифицированных социальных отношений с религиозной верой (верой в "люди-вещи") и показал, что сочетание этих двух обстоятельств "создает общее преобразование реальности и мысленную инверсию реальных отношений, существующих на практике. Объекты превращаются в субъекты, субъекты – в объекты. Уже не только люди взаимодействуют друг с другом посредством вещей, отныне вещи и духи, которые их описывают, воздействуют друг на друга посредством людей" (Там же: 132–133). Данная "мысленная инверсия" распространена во всех культурах в самых различных формах. В свете понимания человека как активного субъекта исторического процесса, непрерывно воспроизводящего культуру, Гodelье весьма критически относится к абсолютизации роли бессознательного символического и тотального обмена как основы общества, которые присутствуют в концепции дара Леви-Строса.

Сравнение двух контекстов (социологического и антропологического) – сравнение двух типов обществ. Предметом исследования и Мосса, и Гodelье является также параллельное рассмотрение процессов обмена и дарения в традиционном и индустриальном обществах. Гodelье начинает свой труд с постановки этого вопроса. В процессе анализа различных типов обмена он стремится показать общие социальные механизмы, лежащие в основе этих явлений и в традиционном, и в современном обществах.

Поиск "опорных точек культуры", неотчуждаемых ценностей, противостоящих либеральной идеологии, – одна из задач Гodelье применительно к современному обществу, где "почти все продается". Он показывает значимость ряда достижений европейской культуры и отмечает рост и новые формы безвозмездной помощи, существующей в индустриальном мире. Представленные в работе "неотчуждаемые ценности" мне хотелось бы дополнить еще одним примером деятельности, не подчиняющейся "максимизации прибыли" и в чем-то сходной с ритуалами обмена в традиционном обществе. Речь идет о бесплатном и в этом смысле бескорыстном размещении в Интернете продуктов интеллектуальной собственности их создателями. Этот процесс очень похож на "кулу", когда человек, создавший "китум", выводит его на "кеду" и стремится к тому, чтобы его ценный дар циркулировал как можно дольше. Автор научного (иногда и литературного) произведения получает удовлетворение от того, что с "частицей его души" ознакомится как можно больше людей (это же касается переводов на другие языки). Самое главное здесь (наряду с престижем, известностью) – положительное эмоционально-психологическое состояние в результате дарения. Людям, независимо от их культурной принадлежности, свойственно получать удовлетворение и положительные эмоции от бескорыстного дарения, от осознания того факта, что им есть что дать людям, особенно если это принесет радость или пойдет на пользу. Наличие альтруистического начала есть одна из фундаментальных особенностей общества.

Безусловно, все сказанное выше не означает призыва к установлению идеализированных патриархальных порядков. Здесь нельзя не согласиться с Гodelье в том, что возврат в прошлое, да еще идеализированное, невозможен. Общество должно развиваться, но в этом движении, ви-

димо, необходим определенный синтез традиционного и современного. При этом успешность функционирования общества зависит от того, насколько оно сможет освободиться от иллюзий, от "перевернутой" системы отношений. По мнению Годелье, важную роль здесь должны играть общественные науки. Они выполняют гуманистическую задачу "обнаружения за обычными ритуалами, законами, системами, которые изучают общественные науки, людей, которые стоят за ними, а также задачу объяснения, каким образом и почему каждый раз человечество узнает и не узнает себя в обычаях" (Там же: 242).

Самая же главная иллюзия современного общества – это положение, что все многообразие социальных отношений исчерпывается обменом и что обмен (торговля) – это и есть цель (и одновременно основное содержание) индустриального общества, да и общества вообще. Эта иллюзия поддерживается теорией Леви-Строса и проектами будущего Ж. Аттали, где элита, или высший класс общества, – торговцы, а вся культура сводится к "ценностям" консьюмеризма. Благодаря тотальной индоктринации этого положения средствами массовой информации "мысленная инверсия" превращается в инверсию конструируемой реальности. Этой глобальной иллюзии также способствует широкое распространение мнения (тоже иллюзорного), что вся деятельность человека, в том числе интеллектуальная, сводится к бинарным отношениям количественного характера (основа действий "сложной счетной машины" – компьютера) типа: + –, цепь замкнута–разомкнута, прибыль–убыток. Ситуация в настоящее время такова, что даже ведущие финансисты, например, Дж. Сорос, говорят о необходимости ограничения "рыночного фундаментализма" и тотальности "общества сделки". Да и сам Годелье отмечает с грустью, что современное общество "может себе представить новую солидарность лишь как предмет сделки в форме контракта" (Там же: 256).

Развенчанию этой иллюзии во многом посвящена книга Годелье "Загадка дара", в которой он блестяще выполнил функцию общественных наук – за структурами и процессами увидеть человека. Одна из главных целей его исследования – показать необходимость в любом обществе "неотчуждаемых объектов". И автор доказывает это положение как теоретически, так и на богатом фактическом материале. Основываясь на результатах работы Годелье, можно утверждать, что процессами обмена не исчерпывается все многообразие человеческих взаимоотношений, как в мире современной культуры, так и в традиционном обществе, что обмен есть лишь средство осуществления функционирования общества, а не его цель. В этом плане характерны заключительные строки труда Годелье, в которых утверждается, что все же "первая связь между людьми не является предметом сделки". Так, "невозможно представить себе ребенка, который заключает контракт на рождение со своими родителями" (Там же: 256).

* * *

Книга Годелье, безусловно, представляет собой фундаментальное исследование, весьма актуальное для понимания и современного, и традиционного обществ. Полезна она и для размышлений над проблемами современной России. Вопросы, связанные с ролью дара и обмена, занимают важное место в многообразном культурном окружении человека. Автор достаточно убедительно доказывает тезис о качественном своеобразии индустриально-товарной и традиционной культур. Более того, он демонстрирует несводимость всей полноты жизни в современном обществе к формуле "купи-продай", последовательно критикуя мифологию современного либерализма. Кроме отстаивания тезиса о качественном своеобразии различных типов культур, другой важной особенностью его труда является идея о невозможности решения конкретных этнографических проблем без привлечения общей теории социального (культурного) и анализа исходных философских положений. Центральное место в реконструкции основополагающих социальных механизмов играет активность человека, предопределенная объективными условиями его существования. Но сама трактовка сути социального оставляет впечатление незавершенности, требующей продолжений и дополнений. Особенно четко эта незавершенность проявляется в конце первой части работы, где Годелье анализирует особенности поведения и веры людей в персонифицированном и обезличенном обществах. Он не рассматривает подробно

своеобразии современного общества в аспекте действующих социальных механизмов (Там же: 128–132). Необходимость дополнительного анализа роли дара в современном обществе автор отмечает и в заключительном параграфе своей книги – "Возвращение дара и смещение загадки".

Эмоционально-психологический аспект дара. Некоторая скованность Годелье при общетеоретическом рассмотрении социального связана с предельно зауженным содержанием этого понятия. Социальное для него – это родственные отношения (системы родства) и политическая власть. Правда, он добавляет к этому специфически родовое качество человека – необходимость создавать (воспроизводить) свою культуру. Но социальное (или культурное) – это не только своеобразная форма организации людей. Оно предполагает и специфический способ деятельности человека, включающий действия не только с материальными объектами, но и с идеально-предметными образованиями, в том числе с такими, как дух, душа, мана, оренда и т.д., которые были первым шагом к освоению абстрактного мышления и являются воображаемой реальностью, созданной человеком. Эта субъективная (или психологическая) реальность – такая же равноправная часть мира людей, как и создаваемые ими материальные объекты (миф в обществе не менее реален, чем все остальное). При этом активность человека как в образной, так и в интеллектуальной форме невозможна без воображения и других форм эмоционального освоения мира. Поэтому основное содержание социального (культурного) значительно шире, чем система родства (регуляция сексуальных и репродуктивных аспектов общества) и политическая власть. В нем всегда присутствует эмоционально-чувственная составляющая, играющая значительную роль в функционировании субъективной реальности, непрерывно воспроизводящейся человеком. Данная реальность, безусловно, носит надьиндивидуальный характер, но отличается от реальности природных объектов. Собственно именно об этом писал Дюркгейм; такую же позицию занимал В. Вундт (надьиндивидуальное сознание, психологическая реальность). Таким образом, вне индивида в качестве объективных условий функционирует субъективная реальность (коллективные представления, по Дюркгейму).

Годелье довольно подробно проанализировал роль коллективного вне-индивидуального (общества), противопоставив свою позицию точке зрения Леви-Строса, у которого источником всего многообразия общественных отношений является бессознательное. Годелье еще раз доказал, что Бог это и есть общество, а общество есть Бог, но практически не развил другой фундаментальный тезис Дюркгейма, что бог общества – солидарность, *чувство* единства, идентичности, *переживаемое* в коллективных ритуалах наряду с другими эмоционально-чувственными состояниями. Ввиду этого Годелье практически не рассматривает социально-психологических функций ритуалов, связанных с процессами дарообмена, хотя и отмечает желание индивидов наладить личные связи солидарности, но не более того. В первую очередь речь идет об удовлетворении потребности в общении, психологическом подтверждении наличия Мы-единства (люди кулы). Именно этот аспект функционирования встречных даров получил отражение у Уайнер, проводившей длительные полевые исследования на Тробриандских о-вах с 1971 по 1997 г.

Чувства людей оказываются в центре внимания творчества Уайнер. Особенно ярко психологическая составляющая проявилась в фильме "Жители Тробриандских островов" (Серия "Исчезающий мир", 1990), одним из авторов которого она является. В данном произведении она делает акцент на эмоциональных аспектах ритуала *сагали* (поминовение и траур по умершим). Уайнер не отрицает значимости поддержания родственных связей как одной из функций данного обряда, но наибольшее ее внимание привлекает чувство поддержки и солидарности, проявляемое в процессе сагали. В качестве доминирующей черты жизни тробриандцев она выделяет положение о том, что здесь "давать важнее, чем брать". На первый план, согласно ее мнению, в сагали выходит психологическая компенсация – "чем больше раздаришь, тем больше противостояшь смерти". "За твою щедрость люди тебя поддержат" – это слова "хозяйки" сагали. Таким образом, данная церемония призвана подчеркнуть единство людей, их солидарность с родственниками умершего. Хозяйка сагали, теряя богатство, получает всеобщее уважение и внимание; в каком-то смысле церемония, посвященная смерти, превращается в праздник жизни. Чтобы быть сильным и противостоять превратностям судьбы, необходимо раздарить свое богатство (в

данном ритуале циркулируют гирлянды банановых листьев, обработанных особым образом, – это местные деньги – и праздничные юбки).

Когда смотришь фильм Уайнер, невольно вспоминаешь гипотезу Дюркгейма о значении массовых ритуалов в формировании основы социальной жизни – чувства солидарности. Фундаментальная функциональная значимость чередования более "рассеянного" и более "насыщенного" (массового) образа жизни, впервые высказанная Дюркгеймом, получила подтверждение в работе Мосса о гренландских эскимосах (*Mauss* 1906). При этом необходимо учитывать, что в фазе "концентрации" происходит интенсивный обмен эмоционально-психологическими состояниями, усиливается чувство солидарности, единство общности. Самое интересное, что данная идея Дюркгейма получила развитие и подтверждение в науке 1970–1990-х годов. В современной психологической антропологии и этологии человека выделяются культурно-обусловленный механизм регуляции общения и уединения (*privacy regulation*), обнаруженный в большинстве ныне существующих культур. Он предполагает регуляцию интенсивности и открытости/закрытости к общению и наличие культурных форм, обеспечивающих чередование массового общения с возможностью избирательного общения вплоть до полного уединения. В процессе изучения культурно-обусловленных форм регуляции общения/уединения была обнаружена потребность в толпе (массовых мероприятиях и повседневном восприятии массы народа) у жителей больших городов. Она была обозначена термином "crowding".

Огромное значение для подтверждения положений Дюркгейма имеет явление, получившее название "привязанности", образование уз солидарности (*attachment*), которое осуществляется в детстве и состоит в формировании аффективных связей на основе эмоционального общения: что может быть более искренним и бескорыстным даром, чем улыбка ребенка, "комплекс оживления" при виде взрослых? Весьма существенно при этом, что "привязанность" связана со сложной системой психобиологической регуляции (синхронизации) организма индивида, которая возможна лишь в коллективе, в общности, хотя бы и небольшой. Поэтому более точное название данного явления – "социальная привязанность". Таким образом, практически у всех форм обмена – дарения, в том числе и тех, что являются предметом изучения и Мосса, и Гodelь, есть еще и психологическое, или даже психобиологическое назначение. Любой обмен дарами выполняет также и коммуникативную функцию, не менее важную, чем все остальные. В то же время большинство церемоний дарения и обмена имеют весьма существенный эмоционально-аффективный аспект как на коллективном, так и на индивидуальном уровне и предполагают сложную систему эмоциональных трансформаций его участников.

Несколько слов в защиту Мосса. В связи с существенной ролью эмоционально-психологической составляющей в процессах дарения и обмена возможен несколько иной, нежели у Гodelь, взгляд на концепцию Мосса. В "Очерке о даре" Мосс представил видение процессов обмена внутри традиционной культуры, реконструируя точку зрения туземца. Вполне возможно, что он был не точен в деталях, в некоторых описаниях (например, пользовался неправильным переводом текстов маорийского мудреца и не всегда адекватно воспроизводил церемонии обмена), но он стремился выразить доминирующую роль магии в сознании и осознании окружающего мира в архаических культурах.

Магия же, как и анимистическое (точнее, аниматическое) видение мира, предполагает превращение вещей, различных элементов традиционной культуры (например, пицци) в одухотворенные "существа", с которыми индивид осуществляет различные формы коммуникации. Тем самым человек становится как бы равным вещи; "одухотворенные вещи", циркулируя между индивидами, как бы передают частицу души одного человека другому. Так осуществляется коммуникация между людьми, обеспечивая их единство и идентичность ("люди кулы" у Малиновского). Участникам этого действия передается определенное эмоциональное состояние. Например, создатель объектов кулы, будь то браслеты или ожерелья, гордится своим творением. Участник кулы также испытывает положительные эмоции, созерцая ценные предметы. Вообще передача "частицы души" может трактоваться как "психологическое заражение" эмоциональными состояниями.

Мосс неоднократно подчеркивает психоэмоциональный аспект церемонии обмена. Рассматривая один из обрядов обмена подарками в Австралии, он показывает его эквивалентность эмоциональным переживаниям и то, "как в нем замешаны и чувства, и люди" (Мосс 1996: 113). Особое эмоциональное возбуждение охватывает участников и соучастников (зрителей) обряда потлач. Независимо от конкретной формы церемониального обмена, его суть везде одна. "Если дают вещи и возмещают их, то это потому, что друг другу дают и возмещают уважение" – мы говорим "знаки внимания" (Там же: 168). Таким образом, церемонии обмена – это способ передачи человеческих чувств – сочувствия и солидарности. По мнению Мосса, в архаических обществах традиционные формы нетоварного обмена служат поддержанию чести и достоинства людей (вспомним примеры Малиновского) и в то же время объединяют людей.

Я не думаю, что при объяснении феноменов дара и обмена Мосс использовал только туземную теорию (как это утверждает без оговорок Леви-Строс). Тут явно видны идея Дюркгейма о солидарности и проблема "отчуждения", до сих не решенная однозначно и касающаяся и индустриальных, и традиционных обществ. Мосс стремился понять смысл обряда обменов и анализировал их изнутри. Это один из возможных путей познания. При этом он пытался показать, чего не хватает западному обществу по сравнению с архаическими культурами, чтобы стать более гуманистическим. Это необходимость большей чувственности, меньшей деиндивидуализации и большего внимания к конкретному человеку. Мосс протестует против "жестокости, абстрактности и бесчеловечности" современной ему системы права, пропитанной "римско-саксонской бесчувственностью". Для него нормой было торжество "чести, бескорыстия, корпоративной солидарности", "радость отдавать публично" (Там же: 203, 206).

Мосс хотел вернуть душу бездушному миру. А для этого необходимо было вернуться к "неизменной основе права", к "самому принципу нормальной социальной жизни". Что означают эти принципы для поведения отдельного человека? Он не должен быть слишком добрым или сверх щедрым. "Ему необходимо чувствовать самого себя, но чувствовать также и других, и социальную реальность. <...> Ему необходимо действовать с учетом самого себя, подгрупп и общества в целом" (Там же: 207). Когда Мосс говорит о возвращении (в определенной степени) к архаическим истокам, то имеет в виду не руссоистское "назад к природе" и не возвращение к до-технологическим стадиям развития. Он лишь выступает против маргиналистского образа человека, хомо экономука. "Очень долго человек был иным, – пишет Мосс, – и лишь с совсем недавних пор он начинает становиться машиной, усложненной счетной машиной" (Там же: 215)

Дар и современность. Очень важны данные положения Мосса в контексте сравнения традиционного и индустриального обществ, которым завершает свое повествование Годелье. Последний, к сожалению, не включил в важнейшие неотчуждаемые ценности эмоции, чувства человека и чувство солидарности людей в особенности, хотя и отстаивает точку зрения о необходимости существования ценностей вне процесса купли-продажи. Еще один момент, противостоящий морали выгоды-прибыли, – это богатство творческих способностей личностей во всем индивидуальном и культурном многообразии. В данном аспекте очень важен вопрос о ценностях в различные эпохи и в различных типах культур, которым в настоящее время противостоят "ценности рынка" (или либеральные ценности), которые намеренно смешивают с гуманистическими ценностями, о которых писал Мосс. Ценности рынка обеспечивают свободу капитала, но не свободу человека. Более того, тотальная идеология обмена (торговли) приводит к нравственной деградации личности. В 1960–1970-е годы этот вопрос был в центре внимания группы исследователей экономической антропологии, возглавлявших направление *субстантивизм*. Н.А. Бутинов, резюмируя их точку зрения на процесс изменения системы ценностей, отмечал, что "свобода низводится к свободе предпринимательства, равенство – к возможности всех заключать сделки, справедливость – к защите частной собственности, разумность – к тому, что прибыльно" (Бутинов 1979: 79).

Проблемы, которые были дискуссионными в 1970-е годы, не утратили своей актуальности в первое десятилетие XXI в. Вопрос о возможности описания маргиналистской теорией не только всех возможных экономик, но и всего многообразия человеческой деятельности вновь на повестке дня. Сейчас он принял форму обсуждения процесса глобализации – однообразная она

или разнообразная. Ввиду этого вновь стали актуальны вопросы экономической антропологии, и эта область культурной (социальной) антропологии успешно развивается. Культурные традиции в экономической активности различных народов, особенности мотиваций к деятельности, этнорелигиозные установки – все это становится существенным фактором функционирования обществ в эпоху массовых миграций, которые охватывают весь мир. Выделение "опорных точек", неотчуждаемых ценностей, о которых писал Гodelь, становится необходимым условием существования человечества. Значительное место этому же вопросу уделено в фундаментальном исследовании А.А. Сусоколова, который настаивает на выведении трех реальностей с рынка. "Это законодательство, человеческая жизнь и ключевые ресурсы, обеспечивающие выживание человечества как вида и данного конкретного общества" (Сусоколов 2006: 412). В эпоху сложных трансформаций мировой экономической системы, в которую мы вступаем, огромное значение будут иметь сбалансированное соотношение современного и традиционного, гармонизация принципа выгоды (прибыли) и "священных предметов", неотчуждаемых ценностей, нахождение форм противодействия тотальному распространению "рыночного фундаментализма".

Литература

- Бутинов 1979 – Бутинов Н.А. Американская экономическая антропология (формализм и субстантивизм) // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979.
- Гodelь 2007 – Гodelь М. Загадка дара. М., 2007.
- Мосс 1996 – Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996.
- Сусоколов 2007 – Сусоколов А.А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию. М., 2006.
- "Жители Тробриандских островов. Папуа – Новая Гвинея" // Granada Television. 1990.
- Mauss 1906 – Mauss M. (avec le collaboration de Beuchot H.) Essai sur les variations saisonnieres des societies Eskimos // L' Anne sociologique. Vol. 8. 1904–1905. Vol. 9. 1906.